Рюноскэ Акутагава

Муки ада

Рюноскэ Акутагава

Муки ада

OCR & spellcheck by HarryFan, 1 October 2000
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=145875

Содержание

1 4
2 6
3 7
4 8
5 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Рюноскэ Акутагава
Муки ада

1

Второго такого человека, как его светлость Хорикава, раньше-то, уж конечно, не было, да и впредь вряд ли будет. Ходила молва, будто перед его рождением у изголовья достопочтенной матушки явился сам святой Дайитоку[1]. Как бы там ни было, он с самого рождения своего, говорят, непохож был на обыкновенных людей. И оттого ни разу не случалось, чтобы мы не подивились тому, что ему угодно было сделать. Посмотреть хоть на его дворец у реки Хорикава, такой, как это говорят, «величественный», что ли? Там такое понаделано, что нам с нашим простым разумением этого и не понять. Люди рассказывают о его светлости невесть что, сравнивают его светлость с императором Ши Хуан-ди и Янди[2], да ведь это, пожалуй, все равно что, как говорится в пословице, слепому на ощупь судить о слоне. Однако его светлость помышлял не только о себе, о своем блеске и славе. Нет, он вникал и в то, что было куда ниже его. Он, как говорится, радовался вместе со всем миром – такое уж у него было великодушное сердце.

Вот почему, даже когда его светлость оказался во дворце Нидзе во время ночных бесчинств злых духов, с ним не приключилось ничего дурного. И дух самого садайдзина Тору[3], который, как шла молва, из ночи в ночь появлялся во дворце Кавараин, на Третьей Восточной улице, – в том дворце, что прославлен изображением видов Сиогама в Митиноку[4], – так вот, даже этот призрак исчез, стоило его светлости на него прикрикнуть. Вот какое могущество было у его светлости, так что неудивительно, что народ во всей столице – стар и млад, мужчины и женщины, когда заходила речь о его светлости, говорили о нем, как о живом Будде. Прошел даже слух, что когда при возвращении из дворца с праздника сливовых цветов понесли быки, впряженные в колесницу его светлости, и примяли одного старика, как раз там проходившего, то старик только сложил руки и благодарил за то, что по нему прошли быки его светлости.

Вот как все обстояло, и поэтому много чего можно будет порассказать о жизни его светлости даже в грядущие времена. Как он на пиру выставил в подарок гостям целых тридцать белых коней, как он при постройке моста Нагара отдал «в сваи» своего любимого отрока[5], как повелел китайцу-монаху, что знал искусство врачевания, разрезать себе нарыв на ляжке… Если перебирать все по отдельности – и конца не будет! Но из всего этого множества рассказов самый страшный, пожалуй, будет о том, как появились ширмы с картиной мук ада[6], что и сейчас в доме его светлости почитаются самой большой драгоценностью. Ведь

---

[1] Святой Дайитоку («Великая мощь и стойкость») – один из пяти «Великих защитников учения Будды»; изображается с шестью ликами, шестью руками и шестью ногами, восседающим на белом быке среди языков пламени; в руках у него меч, трезубец, палица и колесо; поражает зло и болезни.

[2] Ши Хуан-ди (основатель династии Цинь, правил в 246—210 гг. до н.э.) и Ян-ди (из династии Суй, правил в 605—617 гг.) – китайские императоры, отличались чрезвычайной жестокостью, а Ян-ди еще и неслыханным распутством.

[3] Садайдзин – одно из высших правительственных и придворных званий; Тору (Минамото-но Тору, 822—895) – легенда о появлении его духа имеется в «Стародавних повестях» (27, 2).

[4] Митиноку – старинное название ряда провинций на северо-востоке Хонсю; Сиогама – прославленное красотой морское побережье.

[5] Речь идет о приношении в жертву человека, обычае, существовавшем в древней Японии при закладке зданий, мостов и т. п.

[6] На всем протяжении истории японского искусства художники писали картины на шелку, в том числе на шелковых ширмах, большей частью двух– или многостворчатых.

даже его светлость, которого ничто на свете не могло расстроить, и тот был тогда потрясен. А мы, кто ему прислуживал, еле живы остались, – об этом что уж говорить! Даже мне, служившей у его светлости целых тридцать лет, никогда больше не приходилось видеть такие ужасы.

Но прежде чем поведать вам об этом, нужно сначала рассказать о мастере-художнике Есихидэ, что нарисовал эти ширмы с изображением мук ада.

2

Есихидэ… верно, и теперь еще есть люди, которые его помнят. Это был такой знаменитый художник, что вряд ли в то время нашелся бы человек, который мог бы с кистью в руках сравниться с ним. В ту пору было ему, пожалуй, лет под пятьдесят. Посмотришь на него – такой низенький, тощий, кожа да кости, угрюмый старик. Во дворец к его светлости он являлся в темно-желтом платье каригину, на голове – шапка момиэбоси. Нрава был он прегадкого, и губы его, почему-то не по возрасту красные, придавали ему неприятное сходство с животным. Говорили, будто он лижет кисти и оттого к губам пристает красная краска, а что это было на самом деле – кто его знает? Злые языки говорили, что Есихидэ всеми своими ухватками похож на обезьяну; и даже кличку ему дали «Сарухидэ»[7].

Да, раз уже я сказала «Сарухидэ», то расскажу заодно вот еще о чем. В ту пору во дворце его светлости возвели в ранг камеристки единственную пятнадцатилетнюю дочь Есихидэ, милую девушку, совсем непохожую на своего родного отца. К тому же, может, оттого, что она рано лишилась матери, она была задумчивая, умная не по летам, ко всем внимательная, и потому и дворцовая управительница, и все другие дамы любили ее.

Вот по какому-то случаю его светлости преподнесли ручную обезьяну из провинции Тамба, и сын его светлости, большой проказник, назвал ее Есихидэ. Обезьяна и сама по себе смешная, а тут еще такая кличка, вот никто во дворце и не мог удержаться от смеха. Ну, если бы только смеялись, это еще ничего, но случалось, что, когда она взберется на сосну в саду или запачкает татами[8] в покоях, люди забавы ради подымали крик: «Есихидэ, Есихидэ!» – чем, конечно, сильно донимали художника.

Как-то раз, когда дочь Есихидэ, о которой я сейчас говорила, шла по длинной галерее, неся ветку сливы с письмом[9], из противоположной двери навстречу ей, прихрамывая, кинулась обезьянка Есихидэ – она, видно, повредила себе лапу и не могла взобраться на столб, как обычно делала. А за ней – что бы вы думали? – гнался молодой господин, размахивая хлыстом и крича:

– Негодный воришка! Постой, постой!

Увидев это, дочь Есихидэ было растерялась, но тут как раз обезьянка подбежала, уцепилась за ее подол и жалобно заскулила. Девушке сразу стало так ее жалко – прямо не совладать с собой. С веткой сливы в руке она отвела пахнущий фиалками рукав, нежно обняла обезьянку и, склонившись перед молодым господином, ясным голоском обратилась к нему:

– Осмелюсь сказать, это ведь животное. Пожалуйста, простите ее.

Но молодой господин уже стоял перед ними. Он гневно нахмурился и топнул ногой.

– Чего заступаешься! Обезьяна украла мандарины.

– Ведь это животное… – повторила девушка, набравшись смелости, а потом с грустной улыбкой добавила: – К тому же ее зовут Есихидэ. Выходит, будто вы гневаетесь на моего отца, и я не могу спокойно смотреть на это.

Тогда, конечно, молодой господин овладел собой.

– Вот как!.. Ну, раз просишь за отца, я, так и быть, уступлю и прощу, – сказал он неохотно, бросил хлыст и ушел через ту самую дверь, откуда показался.

---

[7] Сару – обезьяна.

[8] Плотные, толщиной 6-8 см циновки стандартного формата (около 1,8 кв.м), которыми застилается пол в японском доме; по такому полу ходят без обуви.

[9] По старинному этикету письма подносились с какой-нибудь цветущей веткой.

3

Дружба дочери Есихидэ с обезьянкой и началась с этого случая. Девушка подвязала ей на шею, на красивой красной ленте, золотой колокольчик, полученный в подарок от молодой госпожи, и обезьянка уже не отходила от девушки. А когда однажды дочь Есихидэ, простудившись, лежала в постели, обезьянка неотлучно сидела возле нее, – может, это только казалось, – с грустной мордочкой и все время кусала себе ногти.

С тех пор – странная вещь! – никто уже больше не мучил обезьянку, как бывало раньше. Напротив, мало-помалу ее стали ласкать, даже сам молодой господин иногда кидал ей персимоны или каштаны. Мало того, когда однажды кто-то из слуг пнул обезьянку ногой, молодой господин очень разгневался; и говорили, что вскоре за тем его светлость повелел дочери Есихидэ явиться к нему с обезьянкой на руках именно потому, что ему стало известно, как разгневался молодой господин. Тут, кстати, до него дошли и рассказы о том, почему девушка так любит обезьянку.

– Девчонка – хорошая дочь. Хвалю.

Так по воле его светлости девушка получила в награду алое акомэ[10]. А когда и обезьянка почтительно взяла в руки акомэ, делая вид, будто его рассматривает, его светлость изволил еще больше развеселиться. Да, вот как это было, и, значит, его светлость стал благоволить к дочери Есихидэ именно потому, что одобрил ее почтение и любовь к отцу, сказавшиеся в ее любви к обезьяне, а вовсе не потому, что был сластолюбив, как говорили люди. Правда, и такая молва пошла не без причины, но об этом я расскажу не торопясь, как-нибудь в другой раз. Пока же довольно сказать, что при всей ее красоте не такой был человек его светлость, чтобы засматриваться на какую-то дочь художника.

Так вот, дочь Есихидэ удалилась от его светлости с честью, но так как она была девушка умная, то не навлекла на себя зависти остальных камеристок. Напротив, с тех пор ее вместе с обезьянкой стали баловать, и так часто сопровождала она молодую госпожу на прогулку, что, можно сказать, почти не отходила от нее.

Однако оставлю пока что девушку и расскажу еще об ее отце, Есихидэ. Да, обезьяну вскорости все полюбили, но самого-то Есихидэ по-прежнему терпеть не могли и по-прежнему за спиной звали Сарухидэ. И так было не только во дворце. В самом деле, и отец настоятель из Екогава, когда произносили при нем имя Есихидэ, менялся в лице, словно встретился с чертом, и вообще изволил его ненавидеть. Правда, поговаривали, будто причина в том, что Есихидэ изобразил отца настоятеля на шуточных картинках, но это болтали низшие слуги, и не могу сказать наверняка, так ли это. Во всяком случае, отзывались о нем дурно везде, кого ни спросишь. Если кто не говорил о нем плохо, то разве два-три приятеля-художника. Да еще люди, которые видели его картины, но не знали его самого.

Однако Есихидэ не только с виду был гадкий, у него был отвратительный нрав, и нельзя не сказать, что ему доставалось по заслугам.

[10] Придворная женская одежда, легкое платье, надеваемое под верхний наряд.

4

А нрав у него был вот какой: он был скупой, бессовестный, ленивый, алчный, а пуще всего – спесивый, заносчивый человек. Что он первый художник в стране – это прямо-таки капало у него с кончика носа. Ладно бы дело шло только о живописи, но он и в другом не хотел никому уступать и высмеивал даже нравы и обычаи. Один старый ученик Есихидэ рассказывал мне, что, когда как-то раз в доме одной знатной особы в знаменитую жрицу Хигаки вселился дух и она начала вещать страшным голосом, Есихидэ и слушать ее не стал, а взял припасенную кисть и спокойно срисовал ужасное лицо жрицы. Должно быть, и нашествие духа было в его глазах просто детским надувательством.

Вот какой это был человек, и потому лицо будды Киссетэн[11] он срисовал с простой потаскушки; а будду Фудо[12] писал с оголтелого каторжника, и много чего непотребного он делал, а когда его за это упрекали, он только посвистывал. «Что же, боги и будды, которых Есихидэ нарисовал, его же за это накажут? Чудно!» Такие слова пугали даже учеников, и многие из них в страхе за будущее торопились его оставить. Как бы там ни было, он думал, что такого замечательного человека, как он, в его время нет нигде на свете.

Нечего говорить о том, какой высоты Есихидэ достиг в искусстве живописи. Правда, так как его картины и по рисунку и по краскам во всем отличались от произведений других художников, то среди его недоброжелателей, собратьев по кисти, поговаривали, что он шарлатан. По их словам, когда дело касается картин Каванари, или Канаока[13], или других знаменитых старых мастеров, то о них ходят удивительные рассказы: то будто на разрисованной створке двери в лунные ночи благоухает слива, то будто слышно, как придворные, изображенные на ширме, играют на флейте… Когда же речь идет о картинах Есихидэ, то говорят только странные и жуткие вещи. Например, о картине «Круговорот жизни и смерти»[14], которую Есихидэ написал на воротах храма Рюгайдзи, рассказывали, что когда поздно ночью проходишь через ворота, то слышатся стоны и рыдания небожителей. Больше того, находились такие, которые уверяли, что чувствовали даже зловоние разлагающихся трупов. А портреты женщин, нарисованные по приказу его светлости? Говорили ведь, что не проходит и трех лет, как те, кто на них изображен, заболевают, словно из них вынули душу, и умирают. Послушать злоязычных, так это самое верное доказательство, что в картинах Есихидэ замешано колдовство.

Но поскольку Есихидэ, как я уже говорила, был человек особенный, то он только гордился этим, и когда как-то раз его светлость изволил пошутить: «Ты, кажется, любишь уродство?» – то он, неприятно усмехнувшись своими не по возрасту красными губами, самодовольно ответил: «Да, всем этим художникам-верхоглядам не понять красоты уродства!» Пусть он и первый художник в стране, но так кичиться в присутствии его светлости… Недаром ученик, о котором я давеча упоминала, потихоньку дал ему кличку «Тираэйдзю», хуля его за то, что он зазнается. Вы, наверно, знаете: Тираэйдзю – так звали черта, который давно в старину прибыл к нам из Китая.

---

[11] Киссетэн («Богиня счастливых знамений», санскр. Шримахадэви) – буддийская богиня, подательница блага; изображается прекрасной женщиной в пернатых одеждах и короне с жемчужиной исполнения желаний в правой руке.

[12] Фудо («Неколебимый владыка») – один из пяти «Великих защитников учения Будды»; изображается как грозный каратель грешников, сидящий посреди пламени с мечом в руке.

[13] Каванари (Кудара-но Каванари, 782—853), Канаока (Косэ-но Канаока, работал в последней четверти IX в.) – прославленные художники своего времени.

[14] Обязательный сюжет росписи в буддийском храме: задача ее – отвратить от всякого проявления жизни и пробудить стремление к нирване.

Но даже у Есихидэ, даже у этого человека, который не признавал никого и ничего, было одно настоящее человеческое чувство.

5

Есихидэ до безумия любил свою единственную дочь, ту самую девушку-камеристку. Я уже говорила, что девушка была нежная, хорошая дочь, но и его любовь к ней отнюдь не уступала ее чувству, и если рассказать, что этот человек, который на храмы никогда не жертвовал, на платья дочери или украшения для ее волос денег не жалел никогда, может показаться, что это просто ложь.

Впрочем, любовь Есихидэ к дочери сводилась лишь к тому, что он ее лелеял, а найти ей хорошего мужа – этого у него и в мыслях не было. Какое там! Если за девушкой кто-нибудь приударял, он, наоборот, не останавливался перед тем, чтоб набрать головорезов, которые нападали на смельчака и его убивали. Поэтому, когда по слову его светлости девушку произвели в камеристки, старик отец был очень недоволен и даже перед лицом его светлости хмурился. Должно быть, отсюда-то и пошли толки о том, что его светлость увлечен красотой девушки и держит ее во дворце, не считаясь с недовольством отца.

Впрочем, хотя толки-то были ложные, но что Есихидэ из любви к дочери постоянно просил, чтобы ее отпустили из дворца, это правда. Однажды, рисуя по приказу его светлости младенца Мондзю[15], он очень удачно изобразил лицо любимого отрока его светлости, и его светлость, весьма довольный, изволил милостиво сказать:

– В награду дам тебе что хочешь. Выскажи твое желание, не стесняясь.

Тогда Есихидэ – что бы вы думали? – дерзко сказал:

– Пожалуйста, отпустите мою дочь!

В других дворцах – дело особое, но тех, кто служил его светлости Хорикава, так ласкали… Где ж еще найдется человек, который бы так грубо обратился с подобной просьбой? Это даже его светлость, такого великодушного, видимо, рассердило, и он некоторое время только молча смотрел в лицо Есихидэ, а потом изволил резко сказать: «Нельзя», – и тут же поднялся. И такие вещи повторялись несколько раз. Как вспомнишь теперь, пожалуй, с каждым разом его светлость изволил смотреть на Есихидэ все холоднее. Да и девушка, должно быть, беспокоясь за отца, часто приходила в комнаты камеристок и горько плакала, кусая рукав. Тогда толки о том, что его светлость влюбился в дочь Есихидэ, еще усилились. Некоторые даже говорили, будто ширмы с муками ада появились-де из-за того, что девушка противилась желаниям его светлости; но этого, разумеется, не могло быть.

[15] Мондзю (санскр. Манджушри) – буддийское божество мудрости; здесь имеется в виду изображение Мондзю в его юные годы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.